

рых моих иллюзиях, о способности или желании подчинить свою речь определенному контролю. На сегодняшний день в том, что я сочиняю, гораздо больший процент дольника, интонационного стиха, когда речь, как мне кажется, приобретает некоторую нейтральность. Я склоняюсь к нейтральности тона» (Глэд Д. Беседы в изгнании).

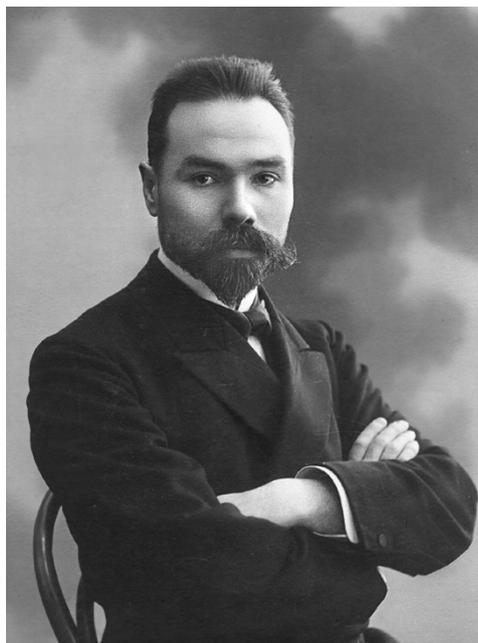
В своем стремлении к «нейтрализации» тона поэзии Б. соединил высокое и низкое, смешал иронию и лиризм, придал поэзии информативную насыщенность и событийность. Врожденное понимание специфики родного языка и мировой культуры позволило Б. органично соединить в своей поэзии глубокий лиризм и философичность русской традиции с монументализмом и событийной масштабностью западноевропейской и американской традиции, сделало его поэзию «явлением формообразующим, дающим перспективу нашей литературе» (Ю. Кублановский).

Умер Б. во сне ночью с 27 на 28 янв. 1996; был временно захоронен в пригороде Нью-Йорка, по завещанию поэта тело его предано земле в Италии (см.: Санкт-Петербургские ведомости. 1996. 3 февр. С. 1).

Соч.: Соч. Иосифа Бродского: в 7 т. / общ. ред. Я. А. Гордин; сост. В. П. Голышев, Е. Н. Касаткина, В. А. Куллэ. СПб., 2001; Перемена империи: Стихотворения. 1960–1996. М., 2001; Большая книга интервью. М., 2000; Соч. Иосифа Бродского: в 4 т. / сост. и подгот. К. Комаров. М.; Париж; Нью-Йорк, 1992; Избранные стихотворения. 1957–1992 / послесл. Э. Безносова. М., 1994; Избранное / сост. Г. Комаров; вступ. статья Я. Гордина. М.; Мюнхен, 1992; Набережная неисцелимых: Тринадцать эссе. М., 1992; Бог сохраняет все: стихи / сост., предисл., прим. В. Куллэ. М., 1992.

Лит.: Крепс М. О поэзии Иосифа Бродского. Анн-Арбор, 1984; Поэтика Бродского: сб. статей. Tenafly, 1986; Иосиф Бродский. Размером подлинника: сб. статей, посвященный 50-летию И. Бродского / сост. Г. Комаров. Таллин, 1990; Рейн Е. Бродский — последний реальный новатор // Книжное обозрение. 1990. 18 мая; Якимчук И. Как судили поэта (Дело И. Бродского). Л., 1990; Глэд Д. Беседы в изгнании. М., 1991; Жолковский А. «Я вас любил...» И. Бродского // Жолковский А. Блуждающие сны и др. работы. М., 1994; Бавеский В. Бродский // Бавеский В. История русской поэзии. Смоленск, 1994; «Нет правых и виноватых, и никогда не будет» [Беседа с поэтом. Записала Е. Якович] // Лит. газ. 1994. 12 янв. С. 5; In memoriam: Иосиф Бродский (1940–1996) // Новое лит. обозрение. 1996. № 19. С. 199–249; Баткин Л. Тридцать третья буква. М., 1997; Полухина Б. Бродский глазами современников. СПб., 1997; Плеханова И. Преображение трагического: Метафизическая мистерия Иосифа Бродского: автореферат докт. дис. Томск, 2001.

О. В. Богданова

В. Я. Брюсов

БРЮСОВ Валерий Яковлевич [1(13).12.1873, Москва — 9.10.1924, Москва] — поэт, прозаик, драматург, лит. критик, переводчик.

«По происхождению, — писал Б., — я костромской крестьянин» (**Из моей жизни**. С. 97). Его дед по отцу, как и некоторое время его отец, был крепостным. После выкупа вольный дед сначала был печником, а затем, открыв пробочную торговлю в Москве, разбогател, стал купцом 2-й гильдии. Дед по матери, А. Я. Бакулин, купеческий сын, разоренный пожаром, занимался сельским хозяйством, был писателем-самоучкой. В Москве он входил в Суриковский кружок (1872–80) и в 1864 издал «Басни провинциала». Он был первым лит. учителем Б. Рассказ о том, как однажды дед видел Пушкина, произвел на мальчика «сильнейшее впечатление». Отец Б. с молодости занимался самообразованием — изучал математику, медицину, читал Маркса, Бокля, Дарвина. В 1860–70-е сочувствовал революционным движениям, был поклонником Писарева и Чернышевского, близко знал мн. революционеров, в т. ч. знаменитого Н. А. Морозова. Отец собрал неплохую домашнюю библиотеку, которой Б. начал пользоваться уже с 4 лет. Страсть к чтению становится его главным увлечением. «От сказок, от всякой „чертовщины“, — вспоминал Б., — меня усердно оберегали. <...> После детских книжек настал черед биографий ве-

ликих людей. <...> Я начал мечтать, что сам непременно сделаюсь „великим“. <...> Меня соблазняла слава Кеплеров, Фультонов, Ливингстонов» (Из моей жизни. С. 66–67). Сочинять стихи и прозу Б. стал с тех пор, как научился писать. Одно из самых ранних его произведений — «комедия» «**Лягушка**», написанная в возрасте 4 лет. Первой публикацией было «**Письмо в редакцию**» детского ж. «Задуманное слово» (1884. № 16).

В частную гимназию Ф. И. Креймана (1885–89) Б. был принят сразу во 2-й класс. На 2-м году обучения вместе с одноклассником В. К. Станюковичем он издает рукописный гимназический ж. «Начало», через который впервые осознает себя «литератором». В 1889 он выпускает рукописный «**Листок V класса**», в котором обличает гимназические порядки, первый номер «Листка» открывался статьей «**Народ и Свобода**». Обострившиеся отношения с администрацией вынудили Б. перейти в гимназию Л. И. Поливанова (1890–93). Здесь он впервые почувствовал вкус к философии. Под влиянием «Этики» Спинозы (он читал ее в подлиннике и написал к ней комм.) Б. с интересом занимается математикой, создает новые теоремы. В это же время Б. переживает ряд первых юношеских увлечений, особенно сильный след в его душе оставила любовная связь со скоропостижно скончавшейся в 1893 от оспы Е. А. Масловой (Красковой), которой он посвятил множество стих. и последние главы (под именем героини Нины) повести «**Моя юность**». В 1890-х Б. по-настоящему понял и «действительно принял» в свою душу Пушкина. К этому году относится и его знакомство с поэзией французских символистов — П. Верленом, С. Малларме и А. Рембо. В год окончания гимназии Б. записывает: «...Талант, даже гений, честно дадут только медленный успех. <...> Надо выбрать иное...» Этим иным, «путеводной звездой в тумане», становится для него декадентство, «достойным вождем» которого он видит себя (**Дневник**. С. 12).

В 1893–99 Б. учится на ист.-филол. ф-те Московского ун-та. Б. всецело отдается литературе и философии. Помимо классической филологии он изучает Канта и Лейбница, с увлечением слушает курсы истории В. О. Ключевского, П. Г. Виноградова, ходит на семинары Ф. Е. Корша. На годы учебы в ун-те приходится первый начальный период осознанного лит. творчества Б. С чертами гражданского индифферентизма, эгоцентризма, обостренной эротики и пессимизма, что являлось общим настроением людей конца XIX столетия. Обращение Б. к символизму («де-

кадентству») тесно связано с неприятием материализма и реалистического метода в литературе. Асоциальная эстетика раннего символизма признавала лишь темы вечные и неизменные: бытия, природы, религии, искусства, смерти, любви. Задачей «нового искусства» в этот период Б. считал выявление субъективного начала творческой личности.

В 1894–95 Б. издает 3 небольших выпусков сб. «**Русские символисты**», в которых дает образцы «новой поэзии», вплоть до знаменитого своего одностишия («**О, закрой свои бледные ноги**») в духе французского символизма. Сб. состояли в основном из стихов самого Б. да отредактированных им стихов А. Л. Миропольского и нескольких поэтов-любителей. Это был первый коллективный манифест русского модернизма в России. Реакция на сб. была скандальной и оглушительной. «Эта тетрадка,— писал о 1-м выпуске В. С. Соловьев,— имеет несомненные достоинства: она не отягощает читателя своими размерами и отчасти увеселяет своим содержанием». «Русский символизм,— продолжал во второй рецензии философ-критик,— обогащается пока звучными именами более, чем звучными произведениями» (Вестник Европы. 1894. № 8; 1895. № 1, 10). Вместе с 3-м выпуском «Русских символистов» Б. издает первый авторский сб. стихов «**Chefs d'oeuvre**» («Шедевры», 1895; 2-е изд. 1896). Броское название, вызывающее содержание и далекое от скромности предисл., обращенное не к «современникам и даже не к человечеству», а к «вечности и искусству», вызвали дружное неприятие критики. Позднее Б. писал: «Сколько могу теперь судить сам о своих стихах, „шедевров“ в книжке не было, но были стихотворения хорошие. <...> Критики, однако, прочли только одно заглавие книжки <...> и шум около моего имени учетверился. Я был всенародно предан „отлучению от литературы“, и все журналы оказались для меня закрытыми на много лет...» (Из моей жизни. С. 75). В следующем, более сдержанном сб. стихов Б. «**Me eum esse**» («Это — я», 1897) сквозь индивидуалистический декаданс проступают уже черты поэтической зрелости, намечаются сквозные темы всего последующего творчества — урбанизм, история, смена культур, мотивы науч. поэзии. В 1895–99 Б. пишет фантастический роман об инопланетянах «**Гора Звезды**» (Фантастика: сб. 73–74. М., 1975), обращается к незавершенному замыслу «**История русской лирики**», задумывает исследование об «Атлантиде», «Философские опыты», приступает к серьезному изучению стиховедения.

В этот период он сближается с известными писателями символистской ориентации: К. К. Случевским, К. М. Фофановым, Ф. Сологубом, Д. С. Мережковским, З. Н. Гиппиус, Н. М. Минским; заочно (1897) знакомится с В. В. Розановым, несколько ранее (1894) с Вл. Гиппиусом, К. Д. Бальмонтом и А. М. Добролюбовым, а затем (1898) с И. Коневским (И. И. Ореусом). Трое последних оказали на молодого Б. значительное влияние. «Если через Бальмонта,— писал Б.,— мне открылась тайна музыки стиха; если Добролюбов научил меня любить слово, то Коневскому я обязан тем, что научился ценить глубину замысла в поэтическом произведении — его философский или истинно символический смысл» (Из моей жизни. С. 77–78). На «субботах» Георга Бахмана, а затем и на собственных «средах» Б. начинает регулярно встречаться с московскими модернистами. Еще студентом Б. ездит в Крым, на Кавказ, посещает Ригу, Варшаву. В 1897 впервые выезжает за границу, в Германию. В этом же году (28 сент.) женится на Иоанне Матвеевне Рунт, ставшей его спутницей жизни и помощницей в лит. делах. В 1899 через И. А. Бунина в одесской газ. «Южное обозрение» (14 февр., 19 сент.) публикует стихотворный цикл **«Картинки Крыма»**.

Первым ж., открывшим свои страницы для Б., был «Русский архив» П. И. Бартенева. С 1900 по 1903 Б.— секретарь редакции «Архива». Он публикует здесь ряд статей, в т. ч. **«О собрании сочинений Ф. И. Тютчева»** (1898. № 11), **«Ф. И. Тютчев. Летопись его жизни»** (1903. № 11–12). С 1900 активно печатается в консервативной московской газ. «Русский листок», в ж. по оккультуризму и спиритизму «Ребус», а с 1901 — в «Ежемесячных сочинениях» И. И. Ясинского и «Мире искусства», единственном в те годы ж. (после закрытия в 1898 «Северного вестника»), сочувствовавшем новым эстетическим веяниям.

В 1901 московское изд-во «Скорпион», в работе которого Б. принимает самое деятельное участие, приступило к выпуску альм. «Северные цветы». С изданием альм. символизм в России становится уже вполне сформировавшимся лит. течением. Если в 1890-х Б. полагал, что искусство ведет к познанию души художника, а значит, и общению с ним, то в 1900-е назначение искусства он видит гораздо шире — в интуитивном познании души человека и глубинных тайн бытия. Осенью 1900 в изд-ве «Скорпион» выходит третья книга лирики Б. **«Tertia vigilia. Книга новых стихотворений. 1897–1900»** («Тре-

тья стража»), открывающая второй, зрелый период творчества писателя. С этого сб., вспоминал писатель, «началось мое „признание“ как поэта. Впервые в рецензиях на эту книгу ко мне отнеслись как к поэту» (Из моей жизни. С. 80).

Сб. знаменовался отказом от натуралистически-вызывающей эротики и крайностей декадентства, расширением идейно-тематической палитры писателя, сосредоточенным раздумьем над многообразием жизни.

В 1902 Б. уточнил свой взгляд на искусство: «Живое искусство всегда „бродит в безднах“, всегда касается тайн <...>; оно всегда философично, мистично, если хотите религиозно <...>. Это искусство и Пушкина, и Достоевского, и моего Верхарна, и всемирного Гете» (ЛН. Т. 27–28. С. 286–287).

В марте 1903 Б. выступает с программной лекцией об искусстве **«Ключи тайн»** (Весы. 1904. № 1), воспринятой в качестве манифеста новейшего русского символизма. Отталкиваясь от интуитивистской гносеологии и эстетики Шопенгауэра, Б. открыто заявил об искусстве как способе сверхчувственного, не рассудочного познания мира. С конца 1902 Б. некоторое время состоит секретарем ж. Мережковских «Новый путь», в котором продолжает осваиваться с техникой журнального дела, публикует стихи, статьи, заметки, а также ведет рубрику «Политическое обозрение». В это же время он входит в состав комиссии Московского лит.-худож. кружка, а с 1908 — председатель ее дирекции. В апр. 1903, впервые приехав в Париж, знакомится с Вяч. Ивановым.

В 1903 выходит четвертый сб. стихов писателя **«Urbi et Orbi»** («Граду и миру»). Самим названием книги Б. хотел показать, что он обращается уже не только к узкому «граду» единомышленников, но и «ко всему миру» русских читателей. Сб. с весьма разнообразным содержанием («Песни», «Баллады», «Думы. Искания», «Элегии», «Оды», «Послания» и т. д.) мыслится автором как единое композиционное целое. Книга вызвала разноречивые отклики критики — от отрицательных до сдержанных и благожелательных. С восторгом она была встречена «младшими» символистами. Книга, по словам Блока, представляет «ряд небывалых откровений» и «озарений почти гениальных» (Блок А. А. СС: в 8 т. Т. 8. С. 69). «Брюсов,— констатировал Белый,— по этому сборнику оказывается единственным современным поэтом, держащим в руках судьбы будущей русской поэзии» (ЛН. Т. 85. С. 330). Характерной чертой сб. являлось и воспевание поэтом

судьбы, рока, иногда в форме «мечты», иногда «мудрого змия» или «другого». В отделе «Думы. Искания», осознавая провиденциальный смысл своей жизни, Б. писал: «Я в жизнь пришел поэтом, я избран был судьбой / И даже против воли останусь сам собой. / Я понял неизбежность случайных дум своих, / И сам я чту покорно свой непокорный стих. / В моем самохваленьи служенье Богу есть, — / Не знаю сам, какая, и все ж я миру весты!» («Июнь», 1902). Явственное осознание всемогущего, неотвратимого водительства необъяснимой судьбы, которой вынужден подчиняться поэт, неизменно пройдет через все дальнейшее творчество Б. Тема метафизического, почти непреодолимого одиночества каждой неординарной личности, невозможности человеку вырваться со «дна» своей «души-тюрьмы», разомкнуть «железный» эгоцентрический кругозор даже в момент любовной страсти также становится заметным мотивом лирики Б. («Одиночество», «Мечтание» и др.).

Сб. «Στεφανος. Венок. Стихи 1903–1905 гг.» (1906) стал первым по-настоящему крупным успехом поэта. В него наряду с историко-мифологическими сюжетами и лирикой интимного плана, связанной с запутанными отношениями с Н. И. Петровской, Б. включил стихи на злободневную тему войны и революции. С фантастическим упоением, как на очищающую стихию судьбы, смотрит поэт на войну и революцию («Война», «К согражданам», «Уличный митинг» и др.). Ради грядущего «нового мира» он без сожаления готов пожертвовать всей человеческой мудростью, книгами и даже собственной жизнью. Не принимая либерально-мещанского довольства царским манифестом 17 октября 1905, Б. писал: «На этих всех, довольных малым, / Вы, дети пламенного дня, / Восстаньте смерчем, смертным шквалом, / Крушите жизнь — и с ней меня!» («Довольным», 18 окт. 1905). Книга вызвала всеобщее признание критики. После нее Б. приглашают участвовать во многих «толстых» ж.: «Образование», «Мир Божий», «Русская мысль» и др.

Стихи своего следующего сб. «Все напевы» (1909) сам Б. оценивал достаточно объективно: «в них меньше новизны, чем в других моих книгах, но больше искусства, совершенства <...>. Смотрю на свое прошлое исторически, еще раз „меняю кожу“» (Чуковский К. Из воспоминаний. М., 1959. С. 452–453). К этому времени Б. становится признанным мастером «мужественной», аполлонической лирики, поэтом с «бронзо-

вым голосом», «в самых совершенных стихах» которого, по словам известного критика А. А. Измайлова, все же «больше мерцания мудрости и дерзновения ума, чем лиризма сердца» (Измайлов А. А. Помрачение божков и новые кумиры. М., 1910. С. 91–92).

В 1904–08 Б. является организатором, бессменным руководителем и ведущим автором главного ж. русских символистов «Весы». Ж., по замыслу Б., предназначался для объединения всех символистов и выработки единой эстетической программы «нового искусства» (см.: Азадовский К. М., Максимов Д. Е. Брюсов и «Весы» // ЛН. Т. 85. С. 257–324). Свои многочисленные статьи, рецензии, заметки Б. печатал здесь под разными псевдонимами — Аврелий, В. Бакулин, К. Веригин, Гармодий, Пентаур и др. Именно в «Весах» отчетливо обозначилось углублявшееся со временем расхождение Б. как с «младшими», так отчасти и «старшими» символистами (Мережковским, Гиппиус и др.). После закрытия «Весов» (1909), с сент. 1910 в течение 2 лет Б. становится заведующим лит.-критическим отделом ж. «Русская мысль». В 1907–13 Б. помимо поэзии активно занимается переводами, прозой, драматургией. Для театра В. Ф. Комиссаржевской он переводит драму Метерлинка «Пеллеас и Мелизанда», поставленную В. Э. Мейерхольдом в окт. 1907, и (совм. с Вяч. Ивановым) драму Г. Д'Аннунцио «Франческа да Римини», поставленную Н. Н. Евреиновым в сент. 1908. В «Русской мысли» Б. публикует «психодраму» «Путник» (1911. № 1), трагедию «Протесилай умерший» (1913. № 9). Реальным подтекстом романа «Огненный Ангел» (Весы. 1907–08) о жизни Германии XVI в. явилось описание непростых отношений любовного «треугольника» Брюсов — Белый — Петровская (ЛН. Т. 85. С. 332–339). Задаваясь вопросом, в чем же видел смысл человеческой жизни Б. и что стояло за философским «средоточием» «побеждающего очарования» его лирики, поэт-символист Эллис не без основания считал, что ответ на этот вопрос содержится в словах Мудреца из символической драмы «Земля», вошедшей в книгу рассказов Б. «Земная ось» (М., 1907): «Мы телом звери, мы духом небожители <...>. Нет ничего выше, как познать, разгадать самого себя <...>, идти своей дорогой между звериным и божеским — вот задача человека. Не поддаваться соблазну — ни кинуться в бездну, ни вознестись в высь — вот его гордость...» (Эллис Л. Русские символисты. М., 1910. С. 176).

Разрыв, наметившийся в 1905 между Б. и символистами религиозно-теургического направления, после появления статьи Б. **«О „речи рабской“, в защиту поэзии»** (Аполлон. 1910. № 9), направленной против мистического истолкования символизма Вяч. Ивановым и Блоком, стал еще глубже, ознаменовав собой общий кризис русского символизма. В марте 1912 вышел очередной сб. стихов поэта **«Зеркало теней»**, открывший третий, предреволюционный этап его творчества. Как и последующие поэтические сб. **«Семь цветов радуги»** (1916), **«Девятая Камена»** (1916–17) и **«Последние мечты»** (1917–19), он, по мнению критики, наряду с отдалением поэзии от острых «высей» и приближением ее к простым житейским переживаниям все же демонстрировал общее снижение худож. мастерства Б., угасание его поэтической силы. В этот период интерес писателя все больше перемещается от поэзии к прозе. В 1913 он издает сб. рассказов **«Ночи и дни»**, посвящая его психологии женской души. В 1911–12 в ж. «Русская мысль» выходит его роман **«Алтарь Победы. Повесть IV века»**, показывающий жизнь Рима на переломе от язычества к христианству. Следующий роман **«Юпитер поверженный»** (продолжение «Алтаря Победы») остался незавершенным (опубл.: Брюсов В. Неизданная проза. М.; Л., 1934). В 1912 у писателя возникает грандиозный замысел книги **«Сны человечества»**, в которой Б. хотел показать смену всех поэтических форм, какие за историю человечества прошла лирика. Однако этот план оказался реализованным лишь частично. В типологически примыкающей к «Снам» книге **«Опыты по метрике и ритмике, по евфонии и созвучиям, по строфике и формам»** (1918) Б. показывает смену лирических форм уже не на уровне поэтического мышления, а на уровне стиля и языка, в плане стиховедческой техники.

Первая мировая война, вначале казавшаяся поэту последней (**«Последняя война»**, 1914), способной преобразить в лучшую сторону человеческую жизнь, через два с половиной года, после того как Б. в качестве корреспондента много месяцев провел на театре военных действий, таковой быть для него перестала (**«Тридцатый месяц»**, 1917). Разочаровываясь в исходе войны и политике, Б. все глубже уходит в лит-ру и науч. работу. Он продолжает работать над начатым еще в 1914 во многом автобиографическим романом из совр. жизни Москвы с условным названием **«Стекланный столп»**, в котором

намеревался отразить эпоху «между двумя войнами и двумя революциями». Сохранилось лишь несколько черновых фрагментов этого большого незавершенного замысла (ЛН. Т. 85. С. 114–164). Во время войны Б. интенсивно занимается переводами. От переводов Верхарна, Метерлинка, Верлена, Гюго, Эдгара По, Данте, Уайльда, Байрона, Гете, Мольера, «Энеиды» Вергилия он обращается к переводам армянской, финской и латышской поэзии. В 1915 вместе с др. поэтами-переводчиками с энтузиазмом приступает к работе по переводу и редактированию уникальной антологии «Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней» (1916; 3-е изд. Ереван, 1986). Сам Б. представил переводы более 40 армянских поэтов, написал к сб. вступ. статью и прим., а затем издал отд. очерк **«Летопись исторических судеб армянского народа от VI в. до Р. Х. по наше время»** (1918). В 1923, в год 50-летия поэта, правительство Армении присвоило Б. почетное звание народного поэта Армении.

Талант Б.-критика проявился в многочисленных статьях и публикациях, связанных с творчеством Баратынского, Фета, Тютчева, Гоголя, Каролины Павловой, французских и русских символистов. Часть своих статей и рецензий Б. воспроизвел в книге **«Далекие и близкие»** (1912). Б. как стиховед, как теоретик стихосложения, помимо специальных статей, автор итоговой книги **«Краткий курс науки о стихе»** (1919; 2-е изд. под названием **«Основы стиховедения»**, 1924).

Особое место в творчестве Б. занимает Пушкиниана. Он автор 82 печатных работ, посвященных творчеству поэта: **«Медный всадник»** (1910), **«Стихотворная техника Пушкина»** (1914), **«Разносторонность Пушкина»** (1922), **«Левизна Пушкина в рифмах»**, **«Пушкин — мастер»** (обе — 1924) и др. Пристально исследуя поэтическую технику Пушкина, зрелый Б. мечтал о том, чтобы искусство писать стихи стало «общим достоянием», доступным самому скромному литератору. Эту идею позднее подхватит и разовьет «ученик» Б.— Н. С. Гумилев.

В конце Первой мировой войны Б. сближается с Горьким, участвует в его издательских начинаниях, готовит с ним сб. украинской лит-ры. В ж. Горького **«Летопись»** Б. публикует историческое исследование **«Учители учителей. Древнейшие культуры человечества и их взаимоотношение»** (1917. № 5–12). Горький высоко ценил Б. не только как работника, но и поэта. «Вы —

поэт божией милостью,— писал он Б. 23 февр. 1917,— что бы ни говорили и ни писали люди умственные» (Горький М. СС: в 30 т. М., 1955. Т. 29. С. 380).

Разочарование в победном исходе войны после непродолжительных колебаний подготовило Б. к решительному принятию Октябрьской революции. В 1920 он вступает в ряды Коммунистической партии, работает в Наркомпросе, возглавляет президиум Всероссийского союза поэтов, читает разнообразные лекционные курсы, организует (1921) и руководит Высшим лит.-худож. ин-том.

Революцию Б. воспринял как обновляющую «огненную купель» социальную стихию, ведущую Россию к ее заветной мечте о «свободном человеке» и «новой жизни». Если до революции Б. отлучал поэзию от социального бытия, видя ее назначение в исследовании «тайн человеческого духа», то теперь он считал, что она должна «сознательно стать выразителем переживаний коллективных». Послеоктябрьские, преимущественно революционные сб. стихов Б. («В такие дни», 1921; «Дали», 1922; «Меа» («Спеши»), 1924) знаменовали последний, завершающий период творчества мастера. В двух последних он демонстрирует и образцы «науч. поэзии» («Принцип относительности», «Невозвратность», «Мир электрона» и др.). Однако перегруженные эрудицией, громоздкие поэтические опыты Б., как и его стихи о революции с абстрактным метафоризмом и мало-выразительной риторикой, все отчетливее говорили о поэтической усталости автора. Да и искренне приветствуя революционное обновление жизни, органически, внутренне сжиться с новой социальной действительностью Б. так до конца и не смог (см. сб. «Меа», «Волшебное зеркало» и др.).

Постижение мира через формы и образы, как, впрочем, и процесс познания мира рациональным, научным путем, воспринималось Б. как некое таинственное действие, сродни религиозному откровению. Наследие писателя не может быть правильно понято и без учета «большого» времени, той «метаисторической» перспективы, которая в качестве важнейшего методологического принципа, как и у большинства русских символистов, лежала в глубинной основе его многочисленных худож. и науч. произведений.

Значение Б. для истории русской лит-ры как смелого поэта-новатора, ученого-стиховеда, наиболее значительного, вслед за Мережковским, представителя «старшего» поколения русских символистов общепринято и неоспоримо. Писатель-энциклопедист, он

постоянно стремился соединить в своем творчестве опыт как мировой, так и классической русской лит-ры, отразить в образах и формах искусства эволюцию и вершину духовно-эстетической «мечты» человечества. Помимо критиков (З. Гиппиус, В. Ходасевич и др.), не очень высоко ставящих поэтическое значение Б., были и те, которые видели в нем подлинного поэта. «Поэтом по призванию», открывшим «новые пути и перелутья», считал, например, писателя В. Ильин (Эссе о русской культуре. С. 265–266). Близкую оценку Б. дал и Д. Святополк-Мирский, который в статье на смерть поэта утверждал, что «Брюсов останется в истории прежде всего как передовой боец за возрождение в России эстетической культуры и за возвращение поэзии принадлежащего ей по праву места. Великим поэтом он не был, но поэтом был, и лучшее из написанного им навсегда сохранит почетное и неотъемлемое место в сокровищнице русской поэзии (Святополк-Мирский Д. Валерий Яковлевич Брюсов // Совр. записки. 1924. № 22. С. 417, 426).

Соч.: СС: в 7 т. М., 1973–75; Мой Пушкин: Статьи, исследования, наблюдения. М.; Л., 1929; ЛН. Т. 27–28 (Брюсов); Стихи и поэмы / вступ. статья Д. Е. Максимова; примеч. М. И. Дикман. Л., 1961 (Б-ка поэта. Б. серия); Избранные соч. М., 1980; Соч.: в 2 т. М., 1987; Брюсов и Армения: в 2 кн. / сост., вступ. статья, прим. К. В. Айвазяна и др. Ереван, 1988; Переписка с И. А. Бунным // ЛН. Т. 84. Кн. 1; Валерий Брюсов // ЛН Т. 85; Письма к Ф. Сологубу и Л. Н. Вилькиной // Ежегодник РОПД. 1973. Л., 1976; Переписка с А. А. Блоком // ЛН. Т. 92. Кн. 1; Валерий Брюсов и его корреспонденты // ЛН. Т. 98. Кн. 1–2; Из моей жизни: Автобиографическая и мемуарная проза. М., 1994; Переписка З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковского, Д. В. Философова с В. Я. Брюсовым (1901–1903) / публ. М. В. Толмачева; вступ. заметки и комм. Т. В. Воронцовой // Российский литературоведческий ж. 1994. № 5/6; Стихотворения. Ростов н/Д., 1995; Стихотворения / послесл. М. Н. Шаповалова; комм. и прим. А. В. Муравьева. М., 1997; Неизданное и несобранное: Стихотворения. Проза. Венок Брюсову. Воспоминания о Брюсове. Varia / сост. и комм. Б. Н. Романова. М., 1998; Жизни мгновения: стихотворения. М., 1999; Заря времен: Стихотворения. Поэмы. Пьесы. Статьи / сост. и комм. С. Гиндина. М., 2000; [Статьи] // Критика русского символизма: сб. М., 2001. Т. 1; Огненный ангел: Повесть в XVI главах. М., 2001; Дневники. Автобиографическая проза. Письма / вступ. статья Е. В. Ивановой. М., 2002; Переписка В. Я. Брюсова с Рене Гилем / сост. Р. Дубровкин. СПб., 2005.

Лит.: Жирмунский В. Брюсов и наследие Пушкина. Пг., 1922; Сб., посвященный 50-летию со дня рождения поэта. М., 1924; Памяти Брюсова. Л., 1925; Максимов Д. Е. Русские поэты начала века: Очерки. Л., 1986;

Брюсовские чтения (1962, 1963, 1966, 1971, 1973, 1980, 1983). Ереван, 1963–85; Гречишкин С. С. Ранняя проза Брюсова // Русская лит-ра. 1980. № 2; Гречишкин С. С. Новеллистика Брюсова 1900-х гг. // Русская лит-ра. 1981. № 4; Иванова Е. В. Брюсов и А. Добролюбов // Известия отделения лит-ры и яз. АН СССР. 1981. Т. 40. № 3; В. Брюсов. Проблемы мастерства. Ставрополь, 1983; Кулюс С. К. Ранний Брюсов о поэзии и философии Вл. Соловьева // Блоковский сб. Вып. 6: А. Блок и его окружение. Тарту, 1985; Лавров А. В. Новые стихи Нелли. Лит. мистификация Брюсова // Памятники культуры. 1985. М., 1987; Ходасевич В. Брюсов В. Я. // Волга. 1989. № 7; Гаспаров М. Л. Брюсов-стихoved и Брюсов-стихотворец (1910–1920 гг.) // Гаспаров М. Л. Избранные статьи. М., 1995; Эльзон М. Д. Две судьбы в одной культуре // Нева. 1995. № 1; Ильин В. Н. Валерий Брюсов. Великий мастер русского Возрождения // Ильин В. Н. Эссе о русской культуре. СПб., 1997; Мочульский К. В. Александр Блок. Андрей Белый. Валерий Брюсов. М., 1997; Михайлова М. В. Лит. окружение молодого В. Брюсова // Вестник Московского ун-та. 1999. № 5. (Сер. 9. Филология); Богомолов Н. А. Спиритизм Валерия Брюсова // Богомолов Н. А. Русская ли-ра начала XX века и оккультизм. М., 1999; Вязмитинова Л. Г. Брюсов В. Я. // Лит. энциклопедия Русского зарубежья (1918–1940). Т. 4. Ч. 1. М., 2001; Жирмунский В. М. Поэтика русской поэзии. СПб., 2001; Перцов П. П. Лит. воспоминания. 1890–1902 гг. М., 2002; Святополк-Мирский Д. П. О совр. состоянии русской поэзии // Критика Русского зарубежья: сб. статей. М., 2002. Т. 1; Гречишкин С. С., Лавров А. В. Символисты вблизи. Очерки и публикации. СПб., 2004; Библиография Брюсова. 1884–1973 / сост. Э. С. Даниелян. Ереван, 1976.

В. С. Федоров

БУБЕННОВ Михаил Семенович [8(21).11.1909, с. Второе Поломношево Новочихинского р-на Алтайского края — 3.10.1983, Москва] — прозаик.

Б. родился в крестьянской семье, сосланной «в незапамятные времена из Центральной России и приписанной к горнорудным заводам Кабинета Императорского двора» («Жизнь и слово»). В годы Первой мировой войны отец Б. работал столяром на тыловых работах в Иркутске, вернулся сторонником революционных перемен, после революции 1917 был членом совдепа в родном с. Гуселетове; во время Гражданской войны отец Б. воевал в партизанском отряде против белых, в 1921 служил в отряде ЧОН, подавлявшем «кулацкое» восстание в Сибири. В последующие годы — вплоть до 1927 — отец Б. работал в разных селах Алтая в органах волостной милиции на руководящих должностях. Жизненный опыт будущего писателя с самого детства был связан с драмами раскола в народной жизни. Неполных 7 лет он пошел

М. С. Бубеннов

в школу; переезжая вместе с отцом, менявшим места службы, близко наблюдал события Гражданской войны во всех проявлениях. Подростком в 1922 работал делопроизводителем в волисполкоме, тогда же стал комсомольцем. Кроме того, вспоминает Б., «пришлось помогать отцу в ведении уголовных дел» («Жизнь и слово»). Все эти годы Б. учился в разных сельских школах; окончил девятилетку с педагогическим уклоном. После этого учительствовал, заведовал школой в районном с. Сорокине.

Писать начал со стихов о природе еще в детстве; печатался с 1927 — был селькором. Затем руководил лит. кружком в Заобье и был поэтому приглашен в Москву на I Всесоюзный съезд крестьянских писателей (июнь 1929). После возвращения из Москвы, где его поддержал А. С. Новиков-Прибой, Б. работал над повестью о коллективизации «**Гремящий год**» (1929–30, опубликована в 1932). Одновременно написал повесть о создании коммуны после Гражданской войны (эта рукопись была утеряна). Собирая материалы, побывал на Алтае, в Казахстане, на Саянах, в Хакасии, писал по Енисею.

С 1930 жил в Татарии, сначала учительствовал в с. Рыбная Слобода на Каме, а с осени 1933 Б. — профессиональный газетчик (газ. «Красная Татария» и др.). В эти годы писал повесть о Гражданской войне «**Бессмертие**» (1940) и сб. рассказов «**В половодье**» (1940). В 1939 был принят в члены СП Татарии, был руководителем его русской секции.